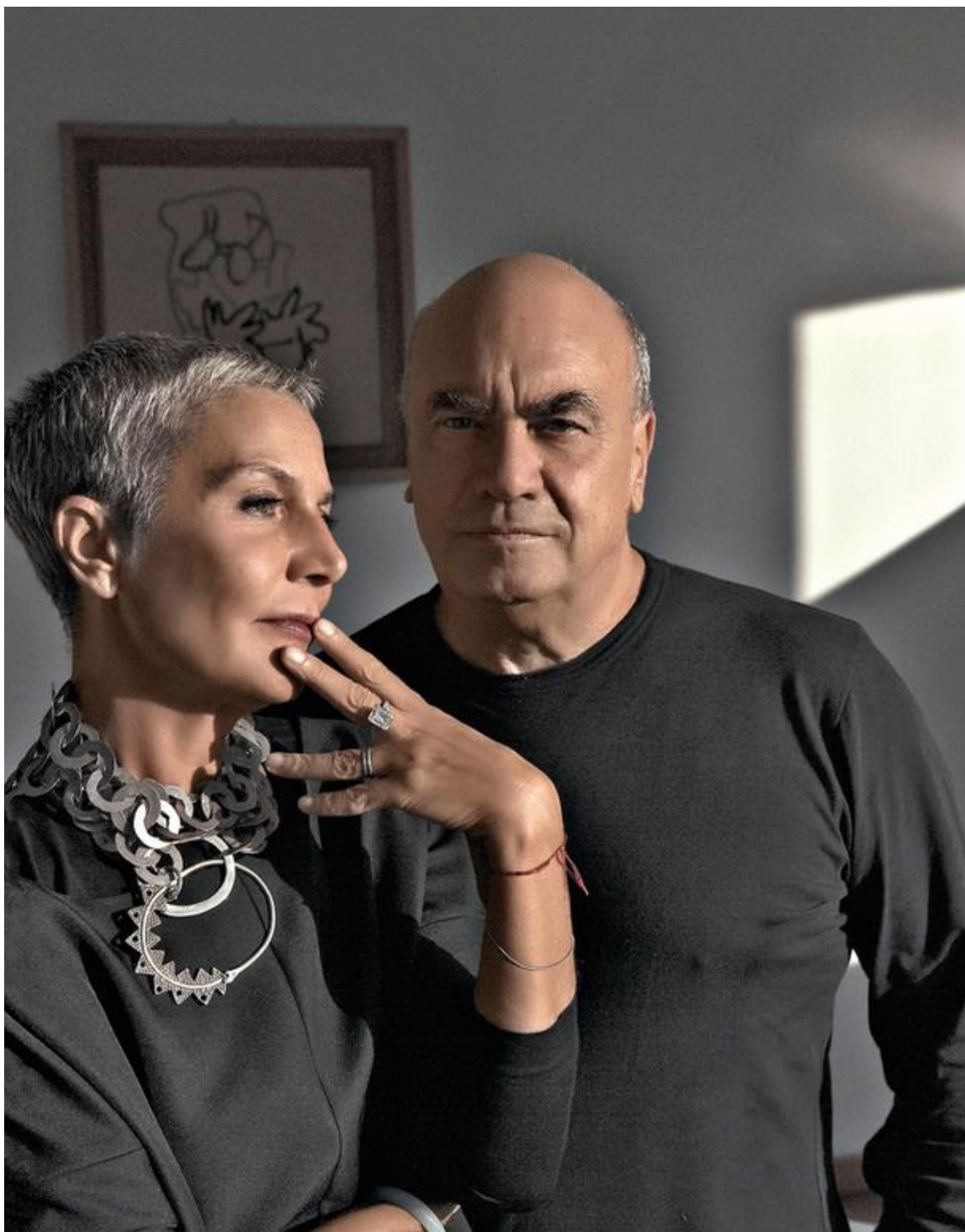

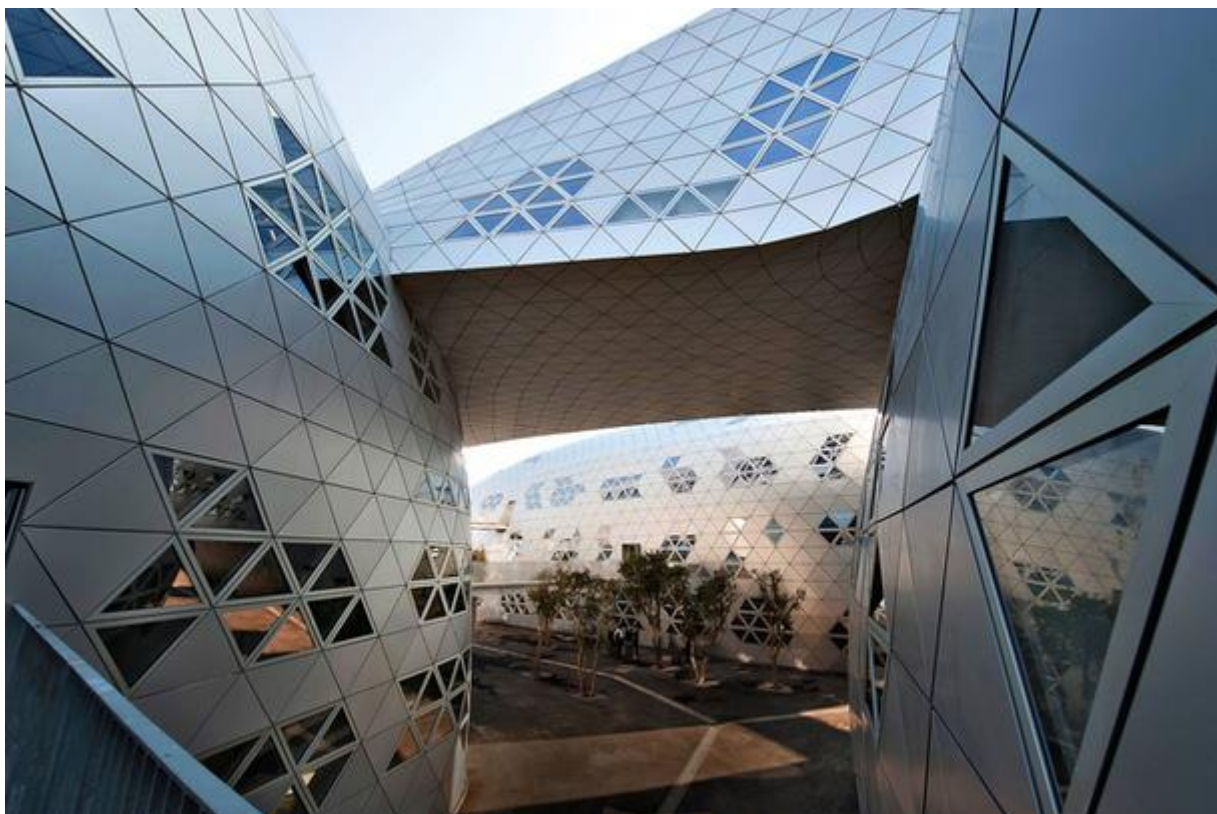
Интервью с Массимилиано Фукасом

Как написал бы француз, “при приближении к гостинице “Метрополь” мое сердце забилось чаще” от мысли, что сейчас я увижу **Массимилиано Фукаса**. Человека, который учился на архитектора в 1960-е годы в Италии! Вся современная архитектура родом из 1960-х, и не в последнюю очередь – родом именно из Италии, где в это десятилетие пышно цвели радикальные архитектурные группировки, изобретавшие утопические модели тотальных городов, революционные фотоколлажи и странную мебель.

Массимилиано и Дориана Фуксас всё делают вместе — и архитектуру, и авторские ювелирные украшения.

Фуксас разбивает одно мое предположение за другим. С коллегами из миланского политехнического, с флорентийскими группами архитекторов-“радикалов” он не поддерживал связь. Он учился в римском университете, где настроения тоже были радикальными, но на другой лад. Профессора и студенты мечтали о революции, строили социальные, а не архитектурные утопии.

Школа гостиничного менеджмента в Монпелье (Франция) открылась в сентябре 2012 года. Излюбленный конструктивный прием архитектора, объемный каркас, позволяет свободно “лепить” форму здания.

Сейчас Массимилиано Фуксас переживает творческий подъем. Два больших здания — школа гостиничного менеджмента в Монпелье и Дом юстиции в Тбилиси — открылись в начале осени. На подходе исполинский аэропорт в Шэньчжэне. В октябре архитектор читал в Москве лекцию о своих новых проектах. Наутро после лекции, в фойе гостиницы, я беру у него интервью.

Фуксас, в отличие от большинства других знаменитых архитекторов, не имеет патентованного стиля. Как правило, у архитекторов-звезд есть маленькие личные стили, узнаваемые и предсказуемые. У Захи Хадид дома похожи на мороженое, выдавленное в рожок. Рем Колхас складывает исполинские кубики в пирамидки. Правда, за их маленькими стилями стоят большие идеи: новые способы думать об архитектуре, новаторские методы проектирования.

Лестница в магазине Armani на Пятой авеню в Нью-Йорке, 2009.

Стиль Фуксаса ускользает от определений. То он громоздит параллелепипеды в духе французской архитектуры, то свернет материю в такой жгут, что Заха Хадид позавидует, то построит строгий каменный куб, почти как швейцарцы. Любит трехмерный каркас с треугольными ячейками, но часто и легко отказывается от него. Он берет понемногу от каждого направления, но не примыкает ни к одному. Какая большая идея у него?

Главное здание аэропорта в Шэньчжэне (сейчас в процессе строительства) — один из самых крупных и технически самый изощренный проект Массимилиано Фуксаса.

Я спрашиваю архитектора:

– Когда вы были куратором Венецианской архитектурной биеннале в 2000 году, вы выступили с лозунгом “Меньше эстетики, больше этики”. Но когда вы рассказываете о своих проектах (например, на вчерашней лекции), вы говорите о чем угодно, только не об этике. Ни слова о социальной ответственности, об энергосберегающих технологиях...

– Этика в архитектуре – это не направление, не школа. Смешно так думать. Этика – это, например, когда Берлускони обращается к тебе с заказом, а ты отвечаешь: “Я с тобой не работаю”. Ошибка думать, что этика – это энергосберегающие технологии. По-моему, странно, когда архитектор строит в Лондоне или Катаре небоскребы, где квартиры продаются по заоблачным ценам, а потом заявляет: “Я социально ответственный архитектор, у меня энергосберегающие технологии!” Я вообще предпочитаю не говорить о социально ответственной архитектуре. Что это значит? Когда архитектор строит здание, он, конечно, думает о том, чтобы оно было удобно для людей. Если ты не идиот, ты всегда об этом думаешь!

Световые колодцы на крышах задуманы как “рифма” вершинам Альп на горизонте.

Во время разговора Фуксас постоянно возвращается к мысли о том, что архитектор работает для общества. “Эгоцентризм в архитектуре – это плохо”. “Нам интересно работать с людьми, не похожими на нас. Мы любопытны”. “Нам важно знать контекст, культуру страны, в которой мы строим”.

Малые формы, в частности стойку на входе, проектировала Дориана Фуксас.

Что же, поговорим о контексте. Фуксас только что построил Дом юстиции в Тбилиси. Контекст там, по-моему, шизофренический. Грузинская власть сомневается, в какой архитектурный наряд ей одеться. В тени огромного, средневекового на вид

кафедрального собора, возведенного на пожертвования воров в законе, ютится президентский дворец, который даст фору худшим образцам рублевской архитектуры, а рядом – вопиюще современный и очень некрасивый мост через Куру, который горожане метко прозвали “прокладкой”.

Дом юстиции в Тбилиси (2012). Архитектор сам удивлен, что заказчики согласились на такой радикальный проект. Главное пожелание заказчика — здание должно иметь прозрачные стены. Это означает прозрачность системы госуслуг.

Ансамбль удачно дополнил Дом юстиции Фуксаса, похожий на увеличенную колонию древесных грибов. Сам по себе он прекрасен, но в контексте смешон. Архитектор не замечает этого. Зато он тепло и с удовольствием рассказывает о своей поездке в Тбилиси в 1980-е годы, о старых друзьях, о знаменитом грузинском гостеприимстве.

Общий вид Дома мира имени Шимона Переса в Яффе (Израиль). Фуксас разрабатывал идею вместе с Пересом в 1997 году, а закончил строить здание в 2009-м.

Дом юстиции в Тбилиси строила китайская строительная компания. Фуксас поражен, с какой скоростью она осуществила сложный проект.

– Авангард мертв. Знаете почему? Авангард – это мечты о том, что невозможно построить. Сейчас ты можешь придумать самый безумный проект – хороший, плохой – не важно, – и реализовать его. Утопия невозможна.

Дом юстиции в Тбилиси (2012).

Если все мыслимые модели будущего можно осуществить одновременно и сразу, это действительно отбивает охоту моделировать будущее. Но каково место архитектора в мире, где авангард невозможен?

Я произношу банальную фразу: “Архитектор – это художник”. Фуксас неожиданно подхватывает мою нехитрую мысль. Да, говорит он, в том числе и художник. Мастер.

MyZeil – торговый центр во Франкфурте, 2010. Воронка на фасаде превращается в “овраг” на поверхности стеклянной кровли. Находясь в здании, ты видишь стены этой стеклянной “пещеры” снаружи.

– Даже в работе над большими проектами, такими как комплекс Миланской выставки, мы многое делаем руками. Мы сами делаем макеты – много макетов для каждого проекта, из разных материалов, в разном масштабе. Иногда очень большие! Место, где мы работаем, мы никогда не называем офисом. Мы говорим: студия, мастерская.

Комплекс зданий Миланской выставки (2005) — целый город с дворами, бассейнами и световыми колодцами.

Я вспоминаю вчерашнюю лекцию. На ней архитектор остроумно рассказывал о мелочах: о том, как поставил одну колонну вместо восьми, о том, как ловко сделал стеклянный угол. И правда, мастер. Не мыслитель. Он не придумывает захватывающие концепции, а просто с удовольствием строит. Большая идея у него есть, но не о том, как придумывать архитектуру. А о том, зачем ее придумывать.

Текст: Артем Дежурко

http://www.admagazine.ru/arch/21392_interview-with-massimiliano-fuksasom.php